

ЛОКАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ В РЕГИОНАХ УРАЛА НА ВЫБОРАХ 18.09.2016¹

УДК 324

Виталий Сергеевич Ковин

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник

Отдела по исследованию политических институтов
и процессов Пермского научного центра УрО РАН,
г. Пермь. E-mail: kovinvit@gmail.com

В статье рассматриваются причины некоторых значимых отклонений в результатах, полученных политическими партиями на выборах, прошедших в 2016 г. в трех уральских регионах: в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях. В качестве факторов, определявших электоральные предпочтения части избирателей во время голосования на федеральных и региональных выборах, выделяются различные проявления локальной идентичности. В ряде случаев эти предпочтения влияют на итоги выборов, которые весьма существенным образом отличаются от среднестатистических результатов. Электоральное поведение некоторых российских избирателей характеризуется непостоянством и с трудом описывается классическими теориями. Мотивы их участия или неучастия в голосовании, инструменты, при помощи которых они совершают свой выбор, могут меняться от кампании к кампании, и даже в рамках одной избирательной кампании. Наибольшее количество электоральных девиаций, которые носят локальный характер, во время общенациональных и региональных выборов обнаруживается на местном уровне, то есть на уровне отдельных поселений, вне крупных городов. В статье исследуются конкретные ситуации, имевшие место в трех уральских регионах во время выборов 2016 г., когда результаты голосования избирателей были обусловлены локальной проблематикой. Автор относит к локальным мотивам в электоральных предпочтениях поддержку выдвинувшегося на выборах земляка, поддержку местного политика (глава района, мэр, депутат) при его переходе на более высокий уровень власти, привлечение внимания к какой-либо обострившейся местной проблеме (например, кризис на «родном» предприятии) и делает предположение, что данные факторы, особенно голосование за земляка, – это проявления локальной общности и традиционалистской культуры определенной части избирателей, которые имеют ситуационный характер.

Ключевые слова: выборы, электоральные предпочтения, локальная общность, локальная идентичность, земляк.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-59005.

Выборы, прошедшие 18 сентября 2016 г., предоставили большой массив электоральных данных и иной информации для различного рода исследований и интерпретаций. Речь идет не только о выяснении причин низкой явки избирателей, провала ряда политических партий и кандидатов, но и о выявлении мотивов тех или иных предпочтений избирателей, пришедших на избирательные участки. В ряде случаев эти предпочтения влияют на итоги выборов, которые весьма существенным образом отличаются от среднестатистических данных. Внешне эти электоральные девиации, то есть значимые отклонения от среднестатистической нормы, могут выглядеть как проявление региональных особенностей или даже как аномалия и, на первый взгляд, не имеют каких-либо рациональных объяснений.

Классические теории электорального поведения, интерпретируя мотивы голосования избирателей, как правило, исходят из представления о «нормальном» голосовании, которое обеспечивает стабильный и гарантированный минимум голосов той или иной партии. Стабильный и гарантированный – поскольку связывают мотивацию избирателя с социальным статусом (Лазарсфелд [Berelson, Lazarsfeld, McPhee 1954], Лейпхарт [Lijphart 1971]) или партийной идентификацией (Кэмпбелл, Конверс [The American Voter 1960], Батлер [Butler, Stokes 1970]), которые обладают определенной устойчивостью. Но, как справедливо отмечает Григорий Голосов, «если бы они были единственными детерминантами выбора, который делает избиратель, то такими же стабильными были бы результаты выборов». В конкурентной среде исход выборов «решают те избиратели, голосование которых доводит полученную партией долю голосов избирателей до необходимого для победы», то есть выше стабильного минимального уровня [Голосов 2001: 234]. Голосование этих «ненормальных», но с точки зрения конечного результата ключевых для конкурирующих партий избирателей может зависеть от случайных и малопредсказуемых факторов. Различные вариации теории рационального выбора (Даунс [Downs 1997], Рабинович [Rabinowitz, Macdonald 1989], Фиорина [Fiorena 1981] и др.) предполагают большую динамику и вариативность в поведении избирателя (поскольку он руководствуется представлением о своей выгоде от участия в данных конкретных выборах), но они также исходят из некоей устойчивости, преемственности поведения избирателя. Это справедливо, отметим только, что данная устойчивость – инструментальная, поскольку избиратель от выборов к выборам использует один и тот же инструмент (идеология, экономические оценки, простые альтернативы, степень близости взглядов и пр.) для определения своих предпочтений. Но та или иная устойчивость доминирующих мотивов голосования все-таки есть характерный признак стабильных политических систем. На наш взгляд, российские политическая и избирательная системы отличаются крайним непостоянством как в плане преемственности институциональных правил, так и в плане преемственности состава участников политических и электоральных процессов, что, в свою очередь, крайне мало способствует формированию у российских избирателей устойчивой электоральной культуры.

Весной 2016 г. группой сотрудников Пермского государственного педагогического университета и Пермского научного центра перед стартом из-

бирательной кампании было проведено методом полуструктурированного интервью пилотное исследование электоральных предпочтений 50 жителей Пермского края, отобранных по квотной выборке с учетом места проживания и рода деятельности. Стенограммы интервью показывают, что большинство респондентов с большим трудом вспоминали свой выбор пятилетней давности (в декабре 2011 г. в Пермском крае одновременно проходили выборы в Государственную Думу РФ и в Законодательное Собрание Пермского края). Особое недоумение вызвали вопросы о голосовании за кандидатов-одномандатников на региональных выборах. В понимании респондентов разделение на кандидатов-списочников и кандидатов-одномандатников практически отсутствует. О партийности кандидатов-одномандатников почти никто не помнит. В целом опрос показал, что за прошедшие 5 лет избиратели изрядно подзабыли и систему выборов, и их участников, и результаты, и свой собственный выбор. При этом четверть респондентов отметила, что их политические взгляды изменились за последнее время и они либо уже переориентировались в своих электоральных предпочтениях, либо собирались проголосовать за другую партию на выборах 2016 г.

Мотивы участия или неучастия в голосовании, инструменты, при помощи которых российский избиратель делает свой выбор, могут весьма существенно отличаться от кампании к кампании, и даже в рамках одной кампании. Так, высокая степень изменчивости политических предпочтений россиян была зафиксирована группой исследователей в рамках проекта «Электоральная панель», реализованного ВЦИОМ осенью 2011 – весной 2012 г. [Мамонов 2013].

Общенациональные, да и по большей части региональные выборы обычно рассматриваются в плане универсальных партийно-идеологических, ценностных, социальных «расколов» и предпочтений избирателей. Считается, что в них проявляется, почти исключительно, национальная (гражданская) идентичность [Панов 2011], а местные или локальные политические пристрастия и антипатии отходят на задний план и нивелируются. Представляется, что это не совсем так. Несформированность у значительной части российских избирателей партийно-идеологической идентификации, устойчивых электоральных предпочтений, слабая выраженность социальной солидарности приводят к весьма необычным результатам в некоторых территориях, к заметным отклонениям от «нормы», то есть от среднестатистических показателей поддержки партий и кандидатов по стране и региону. В отдельных случаях мотивация такого девиантного голосования даже на федеральных выборах может отсылать к локальной проблематике. На данный момент эти отклонения обычно не оказывают существенного влияния на общий исход выборов. В то же время само по себе наличие «неклассических» и внешне нерациональных мотивов голосования избирателей углубляет понимание природы электорального поведения.

Нами проанализированы некоторые, далеко не все, отклонения от среднестатистических результатов голосования, которые имели место на выборах 2016 г. в трех уральских регионах – в Пермском крае, Свердловской и Челябинской областях – и которые коррелируют с местной политикой и

локальной идентичностью. По мнению специалистов, занимающихся электоральной статистикой и электоральной географией, эти регионы могут быть отнесены к субъектам РФ с наиболее высокими значениями индекса демократичности [Титков 2016], или к так называемой «зеленой группе», где официальные результаты голосования, введенные в ГАС «Выборы», соответствуют реальному волеизъявлению избирателей и где искажения либо полностью отсутствуют, либо носят минимальный характер [Киреев 2016]. В большинстве случаев это позволяет нам без дополнительных уточнений опираться на официальные данные электоральной статистики при выявлении предпочтений избирателей [Сведения...].

Не каждое отклонение от средних показателей свидетельствует о каких-либо девиациях. По большей части они имеют весьма рациональное объяснение. Так, сравнительный анализ результатов голосования в масштабах региона, как правило, свидетельствует о специфике региональной политической ситуации в целом. Среднестатистические результаты голосования по трем уральским регионам на выборах в Государственную Думу выглядят следующим образом (табл. 1).

На первый взгляд, значимыми отклонениями от средних выглядят лишь результаты «Справедливой России» в Свердловской и особенно Челябинской (где результат СР лучше общероссийского почти в три раза) областях. Челябинская область – один из немногих регионов, где партия смогла выйти на второе место после «Единой России», опередив КПРФ и ЛДПР. Но ничего необычного в этом нет. Относительные успехи справедливороссов в этих областях можно объяснить как работой крепких региональных отделений партии с определенными ресурсами и историями успехов на выборах всех уровней, так и наличием ярких лидеров.

Практика совмещения выборов также нередко дает интересные результаты. Так, в Пермском крае и Свердловской области федеральная избирательная кампания наложилась на региональные и местные кампании со своими повестками и акторами. В Свердловской области (табл. 2) одновременно с выборами в Госдуму проходили выборы в Законодательное Собрание региона, а также выборы в местные советы (35 городских округов и одно сельское поселение).

Таблица 1

Сравнительный анализ результатов голосования в уральских регионах, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
Свердловская область	41,5	40,53	11,88	16,54	13,2	2,9
Челябинская область	44,39	38,19	12,02	16,73	17,48	2,14
Пермский край	35,17	42,65	14,24	15,75	9,02	3,07

Примечание. Здесь и далее ЕР – «Единая Россия»; СР – «Справедливая Россия».

Таблица 2

Сравнительный анализ голосования на выборах, проходивших в Свердловской области, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>В ГД, Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
В ГД РФ на территории Свердловской области	41,5	40,53	11,88	16,54	13,2	2,9
В ЗС Свердловской области	41,2	40,26	13,82	15,90	16,85	3,32

Примечание. ЗС – Законодательное Собрание.

По сравнению с федеральной кампанией на выборах в Законодательное Собрание Свердловской области региональное отделение «Справедливой России», в отличие от отделений ЕР, ЛДПР, КПРФ и «Яблока», смогло получить еще большую поддержку избирателей.

Наиболее сложной избирательная кампания была в Пермском крае (табл. 3), где помимо выборов в Государственную Думу и Законодательное Собрание региона (ЗС ПК) проходили выборы в Пермскую городскую Думу (ПГД), а также выборы депутатов приблизительно в 40 муниципальных образованиях.

Наибольшее отклонение от среднестатистических показателей и по стране, и по региону продемонстрировал результат голосования за партию «Яблоко» на выборах в Пермскую городскую Думу. По сравнению с 3% голосов избирателей на выборах в ГД РФ и 3,82% – в ЗС Пермского края в столице региона эта партия на выборах в ПГД получила значительно большую поддержку – 7,11%. В Перми на выборах в ГД РФ на избирательных участках за «Яблоко» было отдано более 15 тыс. голосов, на выборах в ЗС ПК – более 18 тыс., а на выборах в ПГД – более 19 тыс. На первый взгляд, эта девиация также вполне объяснима. Среди российских электоральных географов принято считать, что «высокая доля интеллигенции и лиц с высшим образованием, развитый бизнес создают базу голосования за либералов» [Колосов, Бородулина 2004]. Степень урбанизации относится к числу важнейших факторов территориальной дифференциации электоральных

Таблица 3

Сравнительный анализ результатов голосования на выборах, проходивших в Пермском крае, %

Субъект Федерации	Явка	Доля голосов, полученных партией				
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	«Яблоко»
<i>В ГД, Россия в целом</i>	47,88	54,2	13,34	13,14	6,22	1,99
В ГД на территории ПК	35,17	42,65	14,24	15,75	9,02	3,07
В ЗС ПК	34,7	43,75	17,77	16,34	11,29	3,82
В ПГД	34	39,57	17,21	13,81	13,33	7,11

предпочтений, где «демократическому, реформаторскому городу» противостоит «конформистское и консервативное село» [Петров, Титков 2000]. Аналогичная ситуация в целом наблюдается в Екатеринбургe и Челябинске. Но в чем причина того, что на местных выборах партия получила на 4 тыс. голов больше, чем на федеральных, ведь фактор урбанизации был одинаков на выборах всех уровней? В данном случае отклонение от средних показателей дополнительно было вызвано рядом причин. В Перми, где впервые на выборах в Гордуму применялась смешанная система, некоторая часть городских избирателей продемонстрировала «распределительный характер» голосования, своего рода эффект «расщепления голосов» между разными уровнями выборов, когда избиратель отдавал свои голоса различным партиям, выбирая «лучших» из них применительно к конкретному уровню выборов. Кстати, возможности такого голосования активно обсуждались в социальных сетях. Что касается сравнительно высокого результата «Яблока» на выборах в Гордуму, то он был достигнут во многом за счет кампаний «Новая команда для нашего города» и «Наша Пермь», с которыми на этих выборах шел так называемый «городской список» партии «Яблоко». Основу списка составили пермские городские общественники, гражданские активисты, правозащитники, деятели культуры и образования, а его агитационные кампании делали акцент на городской повестке и сознательно обращались к пермской идентичности. Причем агитация шла за привлечение внимания потенциальных сторонников «Яблока» к голосованию именно по партийным спискам, а не по одномандатным округам. Другие партии в Пермском крае в своих избирательных кампаниях значительно большее внимание уделили выборам в Законодательное Собрание региона и кандидатам-одномандатникам. В итоге за очень короткий период «городской список» партии «Яблоко» сумел перетянуть на себя голоса части избирателей, отдавших предпочтение на федеральных и региональных выборах другим партиям.

Таким образом, региональные отклонения в предпочтениях избирателей от среднероссийских показателей, как правило, имеют чисто политическую либо социокультурную природу.

Но если обратиться к местному уровню, то есть уровню территориальных и участковых избирательных комиссий, уровню отдельных поселений, особенно за пределами крупных городов, то можно обнаружить весьма интересные результаты голосования за политические партии. Помимо указанных выше вполне ожидаемых «нормальных» отклонений на некоторых территориях уральских регионов оппозиционные партии получили ряд весьма неожиданных и даже кажущихся аномально высокими результатами, которые совершенно очевидно имеют местную, локальную обусловленность.

Например, в Чердынском районе Пермского края, расположенном на севере региона в нескольких часах пути от Перми, партия «Яблоко» на 13 из 25 участках показала результат выше среднероссийского, из них на 10 участках результаты были сравнимы с голосованием за «яблочников» в региональной столице. Чердынский район вышел на второе место в регионе по процентному показателю поддержки правой партии, что не свойственно такого рода территориям. Особенно высокие результаты голосования за «Яблоко» зафик-

сированы в Рябининском сельском поселении Чердынского муниципального района: в участковой избирательной комиссии (УИК) № 4213 партия получила 31,12% голосов избирателей и обошла «Единую Россию», в УИК № 4216 – 24% и в УИК № 4214 – 9,38%. Интересно, что соседние муниципальные районы продемонстрировали крайне низкую поддержку партии. Пять лет назад, во время выборов 2011 г., ни Чердынский район в целом, ни указанные участки ничем особым в плане поддержки партии «Яблоко» не отличились (в среднем 2,21% по району, а на участке № 4216 за партию проголосовали всего лишь два человека). Между тем объяснение данной «яблочной аномалии» достаточно простое. Дело в том, что на выборах в ГД РФ региональную группу партии «Яблоко» по Пермскому краю (№ 27) возглавил Дмитрий Махонин – начальник Управления регулирования топливно-энергетического комплекса Федеральной антимонопольной службы. Он родом из поселка Рябино, и, несмотря на то что чиновник уже давно работает в Перми и Москве, Рябининское поселение значится в его биографических данных в качестве места жительства. Таким образом, жители Рябининского поселения просто голосовали за своего земляка, используя локальную идентичность и солидарность как способ определения своих предпочтений, причем применительно к конкретному виду выборов. На тех же участках на выборах в ЗС ПК результаты «Яблока» выглядят намного скромнее.

Девиантно высокий результат голосования в Пермском крае на паре участков также продемонстрировала и КПРФ. На двух избирательных участках, № 1737 и № 1736, в поселке «Майский» Краснокамского муниципального района КПРФ набрала 46,36% и 42,51%, соответственно и в два раза опередила «Единую Россию» (в 2011 г. поддержка коммунистов здесь была в два раза скромнее – 23,35% и 20,57%). В этом случае причины высокой электоральной поддержки оппозиционной партии также имеют локальную природу, но несколько иного характера. В поселке, где проживает около 6 тыс. человек, расположена крупная агрофирма «Свинокомплекс Пермский», на которой трудится значительная часть местных жителей. Несколько последних лет свинокомплекс испытывает серьезные организационные и финансовые проблемы, которые резко обострились накануне выборов. Незадолго до дня голосования было решено провести открытые сходы и собрания работников с присутствием высокопоставленных пермских чиновников, представителей Общероссийского народного фронта (ОНФ) и ЕР. По-видимому, их увещевания не возымели должного действия, зато ситуацией смогла воспользоваться местная ячейка КПРФ, которая на протяжении многих лет настаивает на полном возвращении предприятия в государственную собственность и на выделении субсидий из регионального бюджета. Таким образом, локальные экономические проблемы, стремление защитить местное хозяйство от разграбления «варягами», апеллирование к прежним успехам «родного» предприятия и заслугам его работников определили электоральные предпочтения жителей поселка. Показательно, что в других населенных пунктах Краснокамского района поддержка избирателями КПРФ была как минимум в два раза ниже и особой солидарности с жителями Майского они не проявили.

В отличие от Пермского края, в Челябинской области в некоторых случаях фактор земляка (а точнее, его недооценка), скорее всего, повлиял на снижение результатов оппозиционных партий и их выдвиженцев.

Например, критически оценивая результаты «Справедливой России» на думских выборах, некоторые эксперты в качестве причин отмечали очевидные тактические ошибки регионального отделения партии при распределении своих выдвиженцев по округам. Так, по мнению политолога Андрея Лаврова, «яркий политик Ольга Мухометьярова, которая могла набрать в родном Златоустовском округе неплохой процент голосов, была переброшена в чужой Магнитогорский округ» [Мандат по осени... 2016]. Хотя Ольга Мухометьярова, известная в Златоусте общественница, лидер движения защитников бора «Веселая горка», директор Колледжа экономики и управления, не очень удачно выступила на выборах в Законодательное собрание Челябинской области в 2015 г. по одномандатному округу, ей все же удалось избраться депутатом по партийному списку и стать одним из самых активных членов фракции. Соперником Мухометьяровой из «Единой России» в Магнитогорском округе № 192 оказался как раз *местный* политик, глава Магнитогорска Виталий Бахметьев. В составе избирателей округа жители Магнитогорска занимают более 62%, поэтому соревноваться с выдвиженцем от «единороссов» любому неместному политику было практически бесперспективно. Только на магнитогорских участках Бахметьев набрал около 73 тыс. голосов, что почти в два раза превышает результат занявшей второе место в округе Мухометьяровой (37,5 тыс. голосов), то есть для общей победы глава Магнитогорска мог вообще не проводить никакой избирательной кампании в остальных девяти муниципальных территориях округа. Способствовало ли выдвижение Бахметьева усилению позиций «Единой России» в округе? Сомнительно. В трех магнитогорских территориальных избирательных комиссиях (ТИК) результат голосования за ЕР равнялся 37%; это на 1-2% ниже среднерегionalных и, что существенно, хуже, чем результаты в других ТИК округа (в пределах 41-56%). Кроме того, при сравнении результатов голосования за Бахметьева по одномандатному округу и за «Единую Россию» по единому округу на одних и тех же участках отчетливо видно, что глава Магнитогорска набрал в абсолютном выражении больше голосов, чем партия, причем в большинстве случаев коэффициент соотношения этих голосов составляет от 1 до 1,15 в пользу одномандатника и только на территории Магнитогорска этот разрыв выглядит весьма существенным – партия получила почти на 16,5 тыс. голосов меньше, чем глава города (коэффициент соотношения 1,3). С другой стороны, «Справедливая Россия» именно в Магнитогорске получила максимальную поддержку избирателей в округе (от 16 до 18% по ТИК). При этом именно в городе, в отличие от других территорий округа, Ольга Мухометьярова набрала голосов меньше, чем ее партия (коэффициент соотношения 0,95). Таким образом, весьма существенная электоральная поддержка со стороны магнитогорцев своего земляка и мэра не трансформировалось в дополнительную поддержку ЕР, в то же время идеологические сторонники справедливороссов из числа магнитогорцев не увидели в Мухометьяровой *своего* кандидата.

Другая примечательная история на «местной почве» произошла на выборах в Госдуму в Коркинском округе № 191, где лидер южноуральских справедливороссов Валерий Гартунг, впервые с 1997 г. неожиданно проиграл борьбу выдвиженцу «Единой России» Анатолию Литовченко, с 1996 г. главе Увельского района области (Гартунг набрал в общей сложности лишь 34,5% голосов, а Литовченко – 37,7%). На поражении Гартунга в некоторой степени могла сказаться накопившаяся за почти 20 лет усталость избирателей от «своего» политика, но все же необходимо отметить, что основную долю в 5,5 тыс. из примерно 8 тыс. проигранных голосов справедливоросс потерял на территории «вотчины» своего соперника, в Увельском районе Челябинской области, где своим, земляком, считался как раз Литовченко (за Гартунга – 2350 голосов, за Литовченко – 8865). Валерий Гартунг обвинил своего конкурента в использовании административного ресурса и других нарушениях, результаты выборов в Коркинском районе не признал, обратился с жалобами в ЦИК и судебные органы. Следует отметить также крайне низкий результат «Справедливой России» именно в Увельском районе – всего 7,89% (лишь 1117 голосов), в то время как по округу в целом партия набрала 21,87% (два других последних с конца результата партии в этом округе также намного выше – 18,4%). Результат же ЕР в Увельском районе составил 51,25% – это один из пяти самых высоких в области. Известный челябинский политолог Сергей Зырянов считает, что Анатолий Литовченко был знаком прежде всего избирателям Увельского района и близлежащих территорий, а на остальные территории «зашел с нуля», «для остальной части округа был чужаком. Тем не менее единороссу удалось стабильно наращивать электоральную поддержку, что и сыграло свою роль на выборах» [Мандат по осени... 2016]. Представляется, что в этом и других подобных случаях часть избирателей оказывает поддержку своему земляку как *местному* политику при его переходе на более высокий уровень власти.

В Свердловской области также имеются примеры голосования избирателей на почве локальной общности.

На выборах в ГД РФ по Асбестовскому округу № 172 кандидат от ЛДПР, депутат ЗС Свердловской области, экс-секретарь Владимира Жириновского [Морозов 2015] Игорь Торощин лишь у себя на малой родине в г. Ирбите сумел опередить своего оппонента из «Единой России» Максима Иванова (набрал 4203 голоса). Торощин обошел «единоросса» почти во всех УИК, за исключением одного участка (всего набрал 6639 голосов). При этом по партийным спискам результаты были почти диаметрально противоположными: ЕР – 5544 голоса или 36,68%, а ЛДПР – 4655 голоса или 33,32%. Отметим, что в 2011 г. на выборах в ГД РФ в Ирбите ЛДПР выступила не совсем удачно, набрав всего чуть более 3 тыс. голосов или 17,84% и уступив не только ЕР, но и СР. Своему земляку горожане Ирбита также оказали весьма достойную поддержку на выборах в ЗС Свердловской области, где он противостоял Виктору Шептию, одному из региональных лидеров единороссов, секретарю Свердловского отделения партии, заместителю председателя Законодательного Собрания области. На своей малой родине Торощин проиграл единороссу лишь около 250 голосов, в то время как на остальных территориях

электоральные разрывы (vote gap) измерялись в несколько тысяч голосов, в 3–4-кратном размере. По партийным спискам в Ирбите ЛДПР также показала самый высокий процент в регионе (32,93%), лишь на 7% уступив ЕР.

Весьма примечателен относительно неплохой результат КПрФ в г. Асбесте, который входит в Асбестовский округ № 172. По округу в целом КПрФ получила лишь 12,19%, а в самом Асбесте ее результат был значительно лучше – почти 21% (на одном из участков, набрав более 26%, КПрФ даже смогла обойти ЕР). В 2011 г. в Асбесте КПрФ получила поддержку лишь 12,96% избирателей. Немаловажная деталь: представитель КПрФ в 172-м округе, депутат Законодательного Собрания Свердловской области Вячеслав Вегнер незадолго до дня голосования снял свою кандидатуру с выборов в Государственную Думу, решив сосредоточиться на выборах в региональный парламент в Белоярском округе № 3, по соседству с Асбестовским округом № 2 [Пушкарев 2016], к тому же имея практически гарантированное место по партийному списку. В связи с этим, казалось бы, еще более удивителен относительно высокий результат в Асбесте на выборах в Госдуму партии, лишившейся своего кандидата. По-видимому, этот особенный результат был достигнут за счет активности другого выдвиженца партии, но на уровне региональной избирательной кампании. На выборах в ЗС по Асбестовскому городскому округу КПрФ вплотную подобралась к ЕР, показав почти 25,5% против 28,7% и одержав победу уже на семи участках (в 2011 г. было лишь 12,59%). Успех партии, очевидно, связан с поддержкой, которую земляки оказали выдвинутой от КПрФ Наталье Крыловой, старшему мастеру Асбестовского политехникума, которая на дополнительных выборах в местную Думу в 2014 г. была избрана депутатом, но тогда еще от регионального отделения партии «Зеленые». В 2016 г. на выборах в региональный парламент по родному Асбесту Наталья Крылова, теперь уже под красным флагом коммунистов, смогла более чем на 2000 голосов обойти единоросса Владимира Власова, первого зампреда Правительства Свердловской области. Владимир Власов также является уроженцем Асбеста, здесь он начал политическую карьеру, трижды избирался главой города (1996, 2000, 2004), но в 2005 г. перешел на работу в областное правительство. Соперничество двух земляков оказалось достаточно жестким; были выдвинуты обвинения, дошедшие вплоть до ЦИК, в использовании административного ресурса, с одной стороны, и грязных игр и дискредитации – с другой. В целом же Крылова выборы проиграла, уступив лишь чуть более 1000 голосов (в выборах приняли участие приблизительно 53 тыс. избирателей) [Крылова 2016]. При этом на участках Асбеста Крылова как кандидат собрала почти на 4 тыс. голосов больше, чем КПрФ, в то время как Власов получил лишь на 1300 голосов больше, чем ЕР. Личный рейтинг асбестовской активистки значительно превысил поддержку, которую избиратели оказали партии, но при этом достаточно существенно подтянул результат голосования за КПрФ на выборах и в ЗС, и в Госдуму (на территории того же Белоярского округа результат партии оказался почти в два раза ниже). Более высокий результат голосования на региональных выборах КПрФ получила лишь в Пышминском районе (25,65%).

Еще один пример очень точечного проявления фактора земляка как мотива для голосования можно обнаружить в Пышимском муниципальном районе Свердловской области, где результаты голосования за КПРФ также выше средних – 20,4%. Особенно выделяется избирательный участок № 712, где на выборах в Думу КПРФ заняла первое место и набрала 37,34% (ЕР – 30,47%), а на выборах в ЗС области и того больше – 45% (ЕР – 31,3%). В 2011 г. здесь же КПРФ на выборах в ГД РФ поддержало 26% избирателей, а в Законодательное Собрание – 29,53%. Более высокие результаты 2016 г. объясняются, скорее всего, тем, что по данной территории партия выдвинула пенсионера Владимира Лыжина, жителя местной деревни Савина.

В целом к локальным факторам как мотивам электоральных предпочтений, на наш взгляд, могут быть отнесены поддержка выдвинувшегося на выборах земляка, поддержка местного политика (глава района, мэр, депутат) при его переходе на более высокий уровень власти, привлечение внимания к какой-либо обострившейся местной проблеме (например, кризис на «родном» предприятии). Здесь возникает вопрос: каковы географические пределы идентификации избирателя со своим кандидатом, с земляком – это общее с ним поселение, район, субъект Федерации? Ответ на этот вопрос требует отдельного исследования с применением статистических методов обработки электоральных данных. Пока же пробное исследование по списку кандидатов партии «Справедливая Россия» на выборах в Законодательное Собрание Пермского края позволяет сделать следующие предположения: а) для кандидата – сельского жителя географическим пределом его идентификации избирателями как *своего* остаются границы сельского поселения (например, Георгий Шибанов, гражданский активист, первый номер по региональной группе Добрянская № 26: средний результат голосования за партию по округу – 8,7%, «родной» поселок Троица дал ему 18%, при этом поселок Сылва того же поселения – 11,6%, а в среднем по району он получил 10,1%. Благодаря второму номеру в списке группы Кочевская № 30, Вазиху Файзиеву, водителю средней школы из поселка Серебрянка, партия получила здесь более 17%, а в целом по Гайнскому району – чуть более 7%); б) «масштаб» самого *местного* кандидата имеет значение. Как правило, действующие депутаты районных собраний с многолетним стажем поднимают поддержку партии на региональных выборах на несколько пунктов (в том же Кочевском округе наибольшую поддержку партии оказал Юрлинский район, поскольку третьим номером в списке шел депутат Земского Собрания с 2011 г., учитель из районного центра Дмитрий Еремеев). Эта же тенденция отмечается и для региональных депутатов и глав районов.

Таким образом, при внимательном рассмотрении тем электоральным девиациям, которые были зафиксированы на отдельных избирательных участках или территориях, находится вполне рациональное объяснение. Определяясь со своими предпочтениями, часть местных избирателей, казалось бы, сделали совершенно непрагматичный и нерациональный, но самый простой выбор, голосуя за своего земляка. Возможность напрямую проголосовать за *своего*, как правило, появляется во время проведения

выборов по одномандатным округам и соответственно связана с выдвижением в качестве кандидатов от политических партий лиц, происходящих с данной территории. При этом в большинстве случаев выдвинувшийся не от «Единой России», а от какой-либо иной партии земляк не имеет никаких шансов на общую победу. Тем не менее он получает весьма существенную поддержку на своей «малой родине». Более того, часть этой поддержки распространяется и на партию, которую он представляет. Правда, данные статистики свидетельствуют, что электоральный потенциал самого по себе локально-ориентированного голосования на региональных и тем более федеральных выборах оказывается крайне незначительным. Как правило, он ограничивается конкретным поселением, откуда непосредственно родом успешный земляк. Фактически избиратели лишь «делают приятное» своему земляку и его родственникам и символически обозначают свою общность, выделяя за счет него себя из общей массы поселений и территорий. Столь же неперспективным по своему электоральному потенциалу выглядит и использование в политических целях какой-либо локальной экономической проблемы. При этом ориентация при голосовании на локальную проблему встречается намного реже, чем голосование за земляка, что еще раз подчеркивает персонифицированный характер российских выборов. Более прагматично выглядит поддержка избирателями местного политика (мэр, депутат, глава муниципального района) в случае попытки его продвижения на более высокий уровень власти.

В целом локальные факторы как мотивы для голосования, скорее всего, следует рассматривать в качестве проявления традиционалистской культуры определенной части избирателей, построенной на дихотомии «свой-чужой». Ситуативно обозначившаяся локальная общность избирателей (ввиду какой-то местной проблемы, например экологической, или в интересах «родного» предприятия, или в поддержку земляка и местного политика) временно отодвигает в сторону актуальные политические и ценностные разногласия, сдерживает распространение «нормальных» политических размежеваний. Локальные факторы могут оказать значимое влияние на результаты выборов лишь в условиях примерно равной конкурентной борьбы, тогда они выступают тем «малым звеном», который перевесит чашу весов на чью-то сторону, но сами по себе они не предопределяют исход выборов. Наиболее успешные результаты политические партии, как правило, получают там, где общие политические лозунги и призывы опираются на местные ресурсы, в том числе и кадровые, апеллируют к региональной и локальной идентичностям их избирателей.

Вместе с тем для успешного выступления политических партий на выборах всех уровней (особенно на региональных) становится принципиально важным поиск и выращивание региональных политиков прежде всего из «местных кадров» – политических и гражданских активистов, сторонников партий и общественников, готовых с ними сотрудничать.

Материал поступил в редколлегию 09.11.2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голосов Г.В. 2001. Электоральное поведение // Г.В. Голосов. Сравнительная политология. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. Гл. 8. С. 223-253.

Киреев А. 2016. Моя оценка уровня фальсификаций на выборах в Госдуму по субъектам федерации [Электронный ресурс], 9 окт. URL: <http://kireev.livejournal.com/1313935.html> (дата обращения: 02.11.2016).

Колосов В.А., Бородулина Н.А. 2004. Электоральные предпочтения избирателей крупных городов России: типы и устойчивость [Электронный ресурс] // ПОЛИС : Полит. исслед. № 4. С. 70-79. URL: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2004.04.05> (дата обращения: 02.11.2016).

Крылова Н. 2016. Выборы прошли, осадок остался [Электронный ресурс] // Асбест-инфо. 29 сент. URL: https://vk.com/id44523189?w=wall44523189_2225 (дата обращения: 02.11.2016).

Мамонов М.В. 2013. Электоральные предпочтения россиян: Семь пятниц на неделе? // Мониторинг общественного мнения. № 2(114), март-апрель. С. 33-39.

Мандат по осени считают: самые большие разочарования на выборах в Челябинской области [Электронный ресурс], 2016 // УралПолит.RU : эксперт. информ. канал. 18 сент. URL: <http://uralpolit.ru/article/chel/19-09-2016/90613> (дата обращения: 02.11.2016).

Морозов И. 2015. Игорь Торошин: «В партии, как и в семье, все решает “папа”» [Электронный ресурс] // Веч. ведомости. 19 сент. URL: <http://veved.ru/press/65206-igor-toroshhin-v-partii-kak-i-v-seme-vse-reshaet-papa.html> (дата обращения: 02.11.2016).

Панов П.В. 2011. Национальная идентичность: варианты социального конструирования мира // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21-22 окт. 2010 г.) / под ред. И.С. Семеновко, Л.А. Фадеевой. М. : ИМЭМО РАН. С. 47-51.

Петров Н. Титков А. 2000. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999–2000 / ред.: М. Макфол, Н. Петров., А. Рябов. М. : Гендальф. С. 48-96.

Пушкарев И. 2016. Коммунист Вячеслав Вегнер снялся с выборов в Госдуму [Электронный ресурс] // Знак : Информ. агентство. 13 сент. URL: https://www.znak.com/2016-09-13/kommunist_vyacheslav_vegner_snyalsya_s_vyborov_v_gosdumu (дата обращения: 02.11.2016).

[Сведения о проходящих выборах и референдумах с Интернет-портала Государственной автоматизированной системы «Выборы»] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата обращения: 02.11.2016).

Титков А.С. 2016. Индекс демократии для регионов России: динамика 1990–2010-х годов // Вестн. Перм. ун-та. Серия: Политология. № 2. С. 81-104.

Berelson B., Lazarsfeld, P., McPhee W. 1954. Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago : Univ. of Chicago Press. 416 p.

Butler D., Stokes D. 1970. Political Change in Britain. Forces Shaping Electoral Choice. Macmillan. 516 p.

Downs A. 1997. An Economic Theory of Democracy. New York : Addison Wesley. 310 p.

Fiorina M.P. 1981. Retrospective Voting in American National Elections. New Haven : Yale Univ. Press. 288 p.

Lijphart A. 1971. Class voting and religions voting in European Democracies: A Preliminary Report. Glasgow : The Univ. of Strathclyde Press. 23 p.

Rabinowitz G., Macdonald E.S. 1989. A Directional Theory of Issue Voting The // American Political Science Rev. Vol. 83, № 1. P. 93-121.

The American Voter, 1960 / A. Campbell, P.F. Converse, W.E. Willer, D.E. Stokes. New York : John Wiley & Song. 574 p.

References

Berelson V., Lazarsfeld, P., McPhee W. *Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1954, 416 p.

Butler D., Stokes D. *Political Change in Britain. Forces Shaping Electoral Choice*, Macmillan, 1970, 516 p.

Campbell A., Converse P.F., Willer W.E., Stokes D.E. *The American Voter*, New York, John Wiley & Song, 1960, 574 p.

Downs A. *An Economic Theory of Democracy*, New York, Addison Wesley, 1997, 310 p.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American National Elections*, New Haven, Yale Univ. Press, 1981, 288 p.

Golosov G.V. *Elektoral'noe povedenie* [Electoral Behaviour], *G.V. Golosov. Sravnitel'naya politologiya*, 3 ed., rev., augm., St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2001, chap. 8, pp. 223-253. (in Russ.).

Kireev A. *Moya otsenka urovnya fal'sifikatsiy na vyborah v Gosdumu po sub'ektam federatsii* [My assessment of falsification levels of the State Duma elections in each Federal Subject], 9.10.2016, available at: <http://kireev.livejournal.com/1313935.html> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Kolosov V.A., Borodulina N.A. *Elektoral'nye predpochteniya izbirateley krupnykh gorodov Rossii: tipy i ustoychivost'* [Electoral preferences of voters living in big Russian cities: types and stability], *POLIS : Polit. issled.*, 2004, no. 4, pp. 70-79, available at: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2004.04.05> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Krylova N. *Vybory proshli, osadok ostalsya* [Elections have passed but the bad feeling has stayed], *Asbest-info*, 2016, 29 Sept., available at: https://vk.com/id44523189?w=wall44523189_2225 (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Lijphart A. *Class voting and religious voting in European Democracies: A Preliminary Report*, Glasgow, The Univ. of Strathclyde Press, 1971, 23 p.

Mamonov M.V. *Elektoral'nye predpochteniya rossiyan: Sem' pyatnits na nedele?* [Electoral preferences of Russian citizens: always chopping and changing? Public opinion monitoring], *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2013, no. 2(114), March, April, pp. 33-39. (in Russ.).

Mandat po oseni schitayut: samye bol'shie razocharovaniya na vyborah v Chelyabinskoy oblasti [First catch your mandate then cook it: biggest disappointments in Cheliabinsk elections. Expert Informational Channel UralPolit.RU], *UralPolit.RU: ekspert. inform. kanal*, 2016, 18 Sept., available at: <http://uralpolit.ru/article/chel/19-09-2016/90613> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Morozov I. *Igor' Toroshchin: «V partii, kak i v sem'e, vse reshaet "papa"»* [Igor Toroshchin: «In a party, like in a family, "dady" decides everything»], *Vech. vedomosti*, 2015, 19 Sept., available at: <http://veved.ru/press/65206-igor-toroshchin-v-partii-kak-i-v-seme-vse-reshaet-papa.html> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Panov P.V. *Natsional'naya identichnost': varianty sotsial'nogo konstruirovaniya mira* [National identity: options of the social construction of the world], *Semenenko I.S., Fadeeva L.A. (eds.) Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza : sb. st. po itogam Vseros. nauch.-prakt. konf. (MEMO RAN, 21-22 okt. 2010 g.)*, Moscow, IMEMO RAN, 2011, pp. 47-51. (in Russ.).

Petrov N. Titkov A. *Elektoral'nyy landshaft* [Electoral landscape of Russia in 1999-2000 electoral cycle], *Makfol M., Petrov N., Ryabov A. (eds.) Rossiya v izbiratel'nom tsikle 1999-2000*, Moscow, Gendal'f, 2000, pp. 48-96. (in Russ.).

Pushkarev I. *Kommunist Vyacheslav Vegner snyalsya s vyborov v Gosdumu* [Kommunist Vyacheslav Vegner has withdrawn from State Duma elections], *Znak : Inform. agentstvo*, 2016, 13 Sept., available at: https://www.znak.com/2016-09-13/kommunist_vyacheslav_vegner_snyalsya_s_vyborov_v_gosdumu (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Rabinowitz G., Macdonald E.S. A Directional Theory of Issue Voting The, *American Political Science Rev.*, 1989, vol. 83, no. 1, pp. 93-121.

Svedeniya o prokhodyashchikh vyborakh i referendumakh c Internet-portala Gosudarstvennoy avtomatizirovannoy sistemy «Vybory» [Current elections and referendum data. Internet-portal State automated system «Vybory»], available at: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (accessed 02 November 2016). (in Russ.).

Titkov A.S. *Indeks demokratii dlya regionov Rossii: dinamika 1990–2010-kh godov* [Democracy Index in Russian regions: 1990-2010's dynamic. Perm University Herald. Political Science series], *Vestn. Perm. un-ta. Seriya: Politologiya*, 2016, no. 2, pp. 81-104. (in Russ.).

Vitaliy S. Kovin, Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Political Processes and Institutions Research, Perm Scientific Centre, Perm. E-mail: kovinvt@gmail.com

LOCAL FACTORS OF ELECTORAL DEVIATIONS IN URAL REGIONS IN ELECTIONS 18.09.2016

Abstract: This article examines the reasons for some cases of significant deviations in political parties' results of 2016 elections in three regions of the Urals: Perm Krai, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. Various manifestations of “local identity” are seen to be a key factor influencing the electoral preferences of the voters. In a number of cases, these preferences differ significantly from the averages. Electoral behavior of Russian voters is known as changeable and difficult to relate to any classic theories. Motives for their participation and non-participation in elections, “instruments” that they use to inform their choice can significantly differ from one electoral campaign to another, and even within one electoral campaign. During national and regional elections, the biggest majority of “electoral deviations”, which have a local origin, is found on a local level, i.e., on the level of local settlement outside big cities. This article examines three particular cases of three Ural cities during the 2016 election when the results of voting were determined by local issues. It is found that local motives for electoral preferences include supporting nominated “fellow countryman”; supporting local politician (a district head, a mayor or an MP) when they have been promoted to a higher executive position; attracting attention to an urgent problem (e.g. local factory crisis). This article suggests that these local factors, especially voting for a “fellow countryman”, are the manifestation of the sense of the local community and the traditionalist culture of some voters, and are temporary and situational in their nature.

Keywords: elections, electoral preferences, local community, local identity, fellow countryman.